

Десятая речь. К ближайшему определению немецкого национального воспитания

Руководить питомцем в том, чтобы прояснить для себя вначале свои ощущения, а затем – свои созерцания, с которым рука об руку должно идти последовательное образование искусного навыка его тела, – это первая основная часть нового немецкого национального воспитания. Для образования способности созерцания мы имеем вполне пригодное руководство Песталоцци; все еще не написанное руководство для образования способности ощущения без труда сумеет дать нам тот же самый ученый и его сотрудники, которые в первую очередь призваны решить эту задачу. Недостаёт еще руководства для последовательного образования физической силы: мы указали в прошлый раз, что требуется для решения этой задачи, и нужно надеяться, что если наша нация обнаружит желание знать решение этой задачи, то это решение будет найдено. Вся эта часть воспитания составляет лишь средство и предварительное упражнение для второй существенной части его – для гражданского и религиозного воспитания. То, что необходимо сказать об этом теперь в общих чертах, было уже изложено в нашей второй и третьей речи, и в этом отношении нам добавить нечего. Дать определенное наставление в искусстве этого воспитания (всегда, само собою, советуясь и консультируясь с собственно воспитательным искусством Песталоцци), – это дело той же самой философии, которая и советует вообще осуществить немецкое национальное воспитание: а эта философия, если только, по совершенном исполнении первой части, возникнет потребность в подобном наставлении, не замедлит представить такое наставление. Как возможно будет, чтобы всякий питомец, даже родившийся в самом низком сословии (ведь для наших природных задатков поистине не имеет никакой важности сословие, в котором мы родились), усвоил, и даже с легкостью усвоил изложение этих предметов, которое, конечно, заключает в себе, если угодно так выразаться, наиглубочайшую метафизику и является плодом самой отвлеченной спекуляции, предметов, постижение которых представляется в нынешнее время невозможным даже ученым, и даже спекулятивным умам среди ученых, – не станем пока что утомлять себя преждевременными сомнениями и доказательствами на этот счет; если только мы захотим сделать первые шаги к тому, то опыт впоследствии покажет нам, как это возможно. Только потому, что наше время вообще приковано железными цепями к миру пустых понятий, и ни в единой точке не проникло в мир подлинной реальности и созерцания, мы не можем требовать от него, чтобы оно приступило к созерцанию именно с

наивысшего и самого духовного созерцания. Философия должна потребовать от него, чтобы оно отказалось от прежнего своего мира и создало себе совершенно новый мир, и не удивительно, что это требование остается безрезультатным. Но питомцу нашего воспитания мир созерцания стал родным с самого же начала, и он никогда не видел иного мира; он должен не изменить свой мир, а только прибавить ему силы и действительности, а это произойдет в нем само собою. Это новое воспитание есть в то же время, как мы уже указывали выше, единственно возможное воспитание к философии, и единственное средство к тому, чтобы сделать эту последнюю общим достоянием.

С этим гражданским и религиозным воспитанием воспитание заканчивается, и питомца следует выпустить в мир, и таким образом мы выяснили, для начала, содержание предложенного нами воспитания.

В питомце никогда не следует побуждать способности познания, не побуждая в то же время любви к познанному предмету, ибо в противном случае познание станет мертвым, и так же точно никогда не следует возбуждать в нем любви, не проясняя ее в то же время для познания, ибо в противном случае эта любовь станет слепой: таков один из основных принципов предложенного нами воспитания, с которым должен соглашаться и Песталоцци, соответственно всей системе его мыслей. А эта любовь сама собою побуждается и развивается в нем последовательным обучением через развитие в питомце ощущения и созерцания, и появляется без всякого нашего содействия или намерения. В ребенке есть естественное влечение к ясности и порядку; а подобное обучение постоянно удовлетворяет в нем это влечение, и оттого наполняет ребенка радостью и удовольствием; но в самом этом удовлетворении выступающие перед ним новые неясности вновь побуждают его к познанию, и вновь находят разрешение, и так его жизнь проходит в любви к учению и удовольствию от него. Это любовь, которая связывает каждого человека с миром мысли, связующая нить между чувственным и духовным миром вообще. Благодаря этой любви с легкостью совершается, – в этом воспитании наверное и по точному расчету, тогда как прежде – случайно и лишь в немногих умах, особо облагодетельствованных природой, – развитие способности познания и успешная обработка всех областей науки.

Но есть еще и другая любовь, связывающая человека с человеком, и соединяющая всех людей в единую единомысленную общину разума. Как первая любовь образует познание, так эта любовь образует деятельную жизнь, и побуждает наглядно явить познанное нами в нас самих и в других. Поскольку для нашей подлинной цели было бы мало проку, если бы мы улучшили только воспитание ученых, а национальное воспитание, к которому мы стремимся, имеет целью прежде всего образование не одних ученых, но именно людей, то ясно, что развитие и этой второй любви составляет, наряду с названной выше, непрременную обязанность такого воспитания.

Песталоцци говорит⁴³ об этом предмете с возвышающим душу воодушевлением; и однако мы должны признаться, что все это им сказанное несколько не показалось нам ясным, и менее всего – настолько ясным, чтобы послужить основой искусному развитию этой любви. Необходимо поэтому сообщить Вам здесь наши собственные мысли о том, что может быть такой основой.

Обычное допущение, будто человек от природы эгоистичен, и будто ребенку тоже с рождения свойствен этот эгоизм, и что только воспитание может внедрить в его душу нравственный мотив, – основано на весьма поверхностном наблюдении и совершенно ложно. Поскольку из ничего ничего не бывает, а сколь угодно долгое развитие этого основного влечения все-таки никогда не сможет превратить его в его собственную противоположность, – как же могло бы воспитание внедрить когда-либо нравственность в душу ребенка, если бы эта нравственность не существовала в нем изначально, и прежде всякого воспитания? Итак, она и в самом деле существует во всех человеческих детях, как только они рождаются на свет; задача состоит лишь в том, чтобы утвердить в них самую изначальную и чистую форму, в какой она только обнаруживается.

А как завершенная философская спекуляция, так и мнения всех наблюдателей согласны в том, что эта самая изначальная и чистая форма ее есть влечение к уважению, и что только этому влечению открывается в познании нравственное, как единственно возможный предмет уважения, добро и справедливость, правдивость, сила самообладания. У ребенка это влечение обнаруживается поначалу как влечение быть в свою очередь уважаемым тем, что внушает ему величайшее уважение; и это влечение обращается, как правило, – и это уже может служить надежным доказательством тому, что не из эгоизма происходит в человеке любовь, – с гораздо большей силой и решительностью на отца, более серьезного, часто отсутствующего дома и не являющегося непосредственно в образе благотворителя, чем на мать, которая всегда рядом с ребенком и всегда готова благотворить ему. Ребенок желает, чтобы отец заметил его, он хочет добиться его одобрения; он бывает доволен сам собою лишь постольку, поскольку отец доволен им; такова естественная любовь ребенка к отцу – отнюдь не как к опекуну его чувственного благоденствия, но как к зеркалу, в котором отражается для него его собственная ценность или недостойность; и на этой любви сам отец без труда может основать строгое послушание и любую самоотверженность: ребенок с радостью послушается его, чтобы только получить в награду его искреннее одобрение. В свою очередь, именно этой любви он хочет и от отца: он хочет, чтобы отец заметил его старание быть хорошим, и признал его, чтобы отец дал ему понять, что ему доставляет радость, когда он может одобрить его поведение, и причиняет сердечную боль, когда приходится его порицать, что он ничего не желает, кроме того, чтобы всегда быть довольным своим ребенком, и что все его требования к ребенку имеют целью единственно лишь то, чтобы сделать самого же ребенка все лучшим и все более достойным предметом его уважения. А когда ребенок видит это, любовь его, в свою очередь, непрестанно все оживает и крепнет, и придает ему новые силы для всех будущих его попыток стать лучше. Невнимание же, или постоянное несправедливое непризнание его стараний, убивает эту любовь, но особенно губительно для нее и рождает даже ненависть, если в обхождении с ребенком обнаруживают своекорыстие, и если, например, потерю, случившуюся из-за неосторожности ребенка, расценивают как главное его преступление. Тогда он замечает, что его рассматривают как простое орудие, и это возмущает в нем пусть смутное, но однако не вовсе отсутствующее в нем чувство, говорящее ему, что он должен иметь некоторую ценность сам по себе.

Докажем это на примере. Что, собственно, в душе ребенка прибавляет к боли наказания еще стыд, и что такое этот стыд? Очевидно, это чувство презрения к себе самому, которое он должен вменять себе, видя признаки неудовольствия своих родителей и воспитателей. А

потому во всех тех случаях, когда наказание не сопровождается стыдом, воспитанию приходит конец, и наказание представляется тогда просто насилием, которым питомец высокомерно пренебрегает и смеется над ним.

Такова, следовательно, нить, связующая людей в союз единомыслия, и развитие которой составляет основной элемент воспитания целого человека, – отнюдь не чувственная любовь, а влечение к взаимному уважению. Это влечение формируется двояко: в ребенке, на основе присущего ему безусловного уважения к взрослому человечеству, его окружающему, оно становится влечением быть самому предметом его уважения, и по этому действительному уважению как некому масштабу судить о том, насколько он и сам вправе уважать себя. Это доверие к постороннему и вне нас находящемуся масштабу самоуважения есть также своеобразная основная черта детей и несовершеннолетних, и единственно только на ее наличии основана возможность всякого наставления и всякого воспитания подрастающего юношества цельными людьми. Совершеннолетний человек носит масштаб своей самооценки в себе самом, и он хочет быть уважаемым другими лишь постольку, поскольку сами они сделались достойными его уважения; и в нем это влечение принимает вид стремления к тому, чтобы быть в состоянии уважать других, и создать во внешнем мире нечто достойное уважения. Если бы не было в человеке подобного основного влечения: откуда взялось бы тогда то явление, что даже хоть сколько-нибудь сносно доброму человеку бывает жаль, если люди оказываются хуже, чем он их себе представлял, и что необходимость презирать их вызывает в нем жестокую боль; ведь эгоизму должна бы быть, напротив, приятна сама возможность высокомерно возноситься над другими людьми. Эту последнюю основную черту совершеннолетнего человека должен представлять в себе воспитатель, так же как на вышеназванную черту питомца мы можем с полной уверенностью положиться. Цель воспитания заключается, в этом отношении, именно в том, чтобы создать совершеннолетие воли, в указанном нами только что смысле слова, и воспитание бывает действительно завершено и доведено до конца лишь тогда, когда оно достигнет этой цели. До сих пор многие люди всю свою жизнь оставались детьми: именно те люди, кому для довольства собою нужно было одобрение окружающих, и кто был убежден, что не сделал ничего хорошего, если не умел понравиться окружающим. Им противопоставляли обычно, как сильные и могучие характеры, тех немногих людей, которые способны были стать выше чужого суждения о себе и найти довольство в самих себе, и таких людей, как правило, ненавидели, между тем как первых хотя не уважали, но все-таки считали их милыми людьми.

Основа всего нравственного воспитания заключается в том, чтобы знать, что в ребенке есть подобного рода влечение, и неизменно предполагать в нем это влечение, – а кроме того, чтобы признать его в его проявлении, и постепенно все более и более развивать его, целесообразно возбуждая его и предлагая материал, который мог бы служить для его удовлетворения. Первостепенное правило здесь то, чтобы его направляли на единственно сообразный ему предмет, – на нравственное, – а отнюдь не вынуждали его мириться с неким чужеродным для него материалом. Учеба, например, имеет в самой себе и свою привлекательность, и свою награду; разве только особо упорное прилежание в учебе, как упражнение способности самопреодоления, может вызывать наше одобрение; но это вольное и превосходящее рамки требуемого прилежание едва ли найдет себе место, по крайней мере в начальном, общем национальном воспитании. А потому то, что питомец

воспитания выучил все, что должен выучить, нужно рассматривать как нечто само собою разумеющееся и такое, о чем нечего более и говорить; даже если более способный ум питомца заучивает урок быстрее и лучше других, это именно нужно рассматривать как естественное событие, которое не дает повода для похвалы или отличия самого этого питомца и уж тем более не покрывает собою других его недостатков. Этому влечению нужно указать сферу для приложения только в области нравственного; но корень всякой нравственности есть самообладание, самопреодоление, подчинение своих эгоистических влечений понятию о целом. Пусть только это, и ничто более, дает возможность питомцу получить одобрение воспитателя, а нуждаться в этом одобрении для того, чтобы быть довольным самим собой, его учит его духовная природа, и к этому же приучает его воспитание. Как мы напомнили Вам уже во второй нашей речи, есть два весьма различных способа подчинять свою личную самость целому. Во-первых, это тот способ, который безусловно должен быть и от которого ни в чем недопустимо избавлять кого бы то ни было, – это подчинение закону общественного устройства, начертанному ради поддержания самого порядка в пределах целого. Тот, кто не преступает этот закон, всего только не удостоивается порицания, но отнюдь не заслуживает еще одобрения; как и того, кто преступил бы этот закон, постигло бы действительное порицание и осуждение, которое там, где преступление совершено публично, должно последовать так же публично, а если оно останется бесплодно, его можно было бы даже усилить, прибавив к нему наказание для преступника. Во-вторых, есть такое подчинение индивида целому, которого невозможно требовать, но которое он может исполнить лишь добровольно: а именно, когда ожидают, что индивид, жертвуя собою, станет укреплять и умножать благосостояние целого. Чтобы с юных лет твердо внушить питомцам соотношение между простою законосообразностью и этой высшей добродетелью, целесообразно будет допускать подобные добровольные жертвы лишь тому из них, на которого в течение известного времени не было никаких жалоб в отношении первой, как бы в награду за его сообразность закону, тому же, кто еще не тверд в соблюдении правильности и порядка в самом себе, отказывать в таком дозволении. Предметы таких добровольных трудов уже были мною в общих чертах указаны выше, и выяснятся еще подробнее впоследствии. Пусть самопожертвование этого рода удостоится деятельного одобрения, действительного признания заключающейся в нем заслуги, – хотя и не публично, в виде похвалы, ибо это может испортить душу питомца, сделать его тщеславным и далеко увести его от самостоятельности, – но тайно, и наедине с питомцем. Это признание должно быть не более, чем только спокойствием его собственной совести, которое бы мы представили питомцу также внешне, и подтверждением его довольства самим собою, его самоуважения, и побуждением к тому, чтобы и впредь доверять себе. Выгоды, которые мы имеем в виду получить от этого, может замечательно умножить следующее учреждение: Где воспитателей и воспитательниц несколько, – а мы предполагаем ведь, что это, как правило, так и будет, – там пусть каждый ребенок свободно, и по побуждению своего доверия и своего собственного чувства, изберет себе одного из них своим особенным другом и как бы советчиком своей совести. Пусть он просит у него совета во всех тех случаях, когда ему трудно бывает поступить правильно; пусть этот воспитатель помогает ему дружеским советом; пусть ребенок поверяет ему те добровольные труды, какие берет на себя; и пусть, наконец, именно этот его друг будет тем человеком, который станет награждать своим одобрением все прекрасное в нем. Тогда воспитание, в лице этих самых советчиков совести, поможет детям, каждому по-своему, последовательно выработать в себе все большую силу самообладания и самопреодоления. И

таким образом постепенно возникнет та твердость и самостоятельность, с созданием которой воспитание естественно завершится, и сделается в будущем излишним. Объем нравственного мира раскрывается перед нами яснее всего в собственных наших поступках и поведении, и кому этот мир открылся таким именно образом, тому он открылся в самом деле. Такой человек знает отныне сам, что заключает в себе этот нравственный мир, и не нуждается более ни в каком свидетельстве других людей о себе, но способен сам вершить правый суд над самим собою, и отныне он – совершеннолетний.

Сказанным только что мы заполнили пробел, который оставался до сих пор в нашем изложении, и только теперь наше предложение стало подлинно осуществимым. Новое воспитание должно поставить на место употреблявшейся до сих пор чувственной надежды или страха благорасположение к добру и справедливости ради них самих, и это благорасположение должно приводить в движение всю будущую жизнь питомца, как единственный имеющийся в нем мотив. Это – главное в нашем предложении. Первый напрашивающийся при этом вопрос таков: но как же создать нам самое это благорасположение? Создать, в подлинном смысле слова, его и в самом деле невозможно; ибо сделать нечто из ничего человеку не по силам. Если только наше предложение вообще исполнимо, то это благорасположение должно изначально присутствовать в человеке, и безусловно во всех людях без исключения, и быть для них врожденным. Так оно и обстоит в действительности. Всякий ребенок без исключения желает быть справедливым и добрым, и он отнюдь не желает только благоденствовать, как молодое животное. Любовь – коренной элемент человека; она есть в нем сразу же, как только рождается человек, вполне и совершенно, и к ней нечего прибавить; ибо любовь находится по ту сторону растущего явления чувственной жизни, и от него не зависит. Только с познанием соединяется эта чувственная жизнь, и только познание возникает и прирастает вместе с этой жизнью. Познание развивается лишь медленно и постепенно, с течением времени. Как же теперь, пока не сложится в познании упорядоченное целое понятий о справедливости и добре, может эта врожденная любовь скоротать эту пору невежества, развиваться и упражняться на опыте? Разумная природа, без всякого нашего содействия, помогла нам одолеть эту трудность. Сознание, которого ребенок не находит в самом себе, представляется ему воплощенным внешне в суждении мира взрослых. Пока в нем самом не разовьется благоразумный судья, некое естественное влечение побуждает его обращаться к этому миру взрослых, и таким образом ему дана совесть вне его, пока не возникнет такая совесть в нем самом. Эту, донныне еще малоизвестную, истину новое воспитание должно будет признать и направить эту присутствующую в питомце без всякого нашего содействия любовь на действительную справедливость. До сих пор этой непосредственностью и детской доверчивостью несовершеннолетних к превосходящему их совершенству взрослых последние пользовались, как правило, во вред самим же несовершеннолетним: именно их невинность, и их естественная вера к нам, взрослым, позволяла нам еще прежде, чем они научались различать добро и зло, внушать им вместо того добра, которого они в душе желали, нашу собственную нравственную порчу, которую они презирали бы, если бы способны были постичь ее.

Именно в этом заключается величайший из проступков, бремя которых лежит на нашей эпохе. Это объясняет нам также и то повседневно встречающееся явление, что человек, как правило, бывает тем дурнее, эгоистичнее, тем более глух ко всем добрым побуждениям, и

тем менее годен к любому доброму делу, чем больше лет он прожил на свете, и чем более он удалился поэтому от первых дней невинности, отголосок которых негромко раздаются еще поначалу в немногих смутных предчувствиях добра, на какие он способен. Это же доказывает нам, далее, что нынешнее поколение, если только оно не решится как бы цезурой отделить свою дальнейшую жизнь от прежней, непременно оставит по себе еще более испорченное потомство, а это потомство – и еще более испорченное. О таких людях один почтенный учитель рода человеческого верно говорит, что лучше было бы, если бы им на шею повесили мельничный жернов и утопили их в море, там, где оно всего глубже⁴⁴. Говорить, что человек рождается грешником, – значит пошло клеветать на человеческую природу; если бы это было так, как же могло бы прийти в голову человеку даже только понятие о грехе, которое ведь возможно только в противоположность тому, что не есть грех? Он живет, и становится грешником; и жизнь прежнего человечества была, как правило, непрерывным приростом и преуспеянием в развитии этой греховности.

Сказанное мною показывает нам в новом свете необходимость безотлагательных мер для учреждения действительного воспитания. Если бы только подрастающее юношество могло вырастать без всякого соприкосновения со взрослыми и совершенно без всякого воспитания, то ведь сделать такую попытку всегда возможно, и посмотрим. Что из этого вышло бы. Но, если мы хотя бы только оставляем их в нашем обществе, то воспитание их, помимо всякой нашей воли и желания, совершается само собою; они сами воспитываются, глядя на нас; наш образ жизни навязывается им сам как образец для них, они усердно подражают нам, даже если мы этого не требуем, и они ничего более не желают, кроме того, чтобы стать такими же, каковы мы. Ну а мы, как правило и в огромном нашем большинстве, совершенно превратны в себе, пусть отчасти мы и сами того не знаем и с такой же непосредственностью, как и наши дети, считаем свою превратность подлинной правдой; или, если бы мы даже знали об этом, как могли бы мы, однако, находясь в обществе наших детей, вдруг оставить то, что за долгую жизнь стало нашей второй натурой, и сменить весь наш прежний дух и образ мысли на новый? Соприкасаясь с нами, они должны нравственно испортиться, – это неизбежно; если в нас есть хоть искра любви к ним, мы должны удалить их из нашей заразной своими испарениями атмосферы, и устроить для них более чистое жилище. Мы должны поместить их в общество людей, которые, каковы бы ни были впрочем, усвоили бы себе однако постоянным упражнением и привычкой умение отдавать себе отчет в том, что дети смотрят на них, и способность, держать себя в руках по крайней мере до тех пор, пока дети на них смотрят, и знание того, какими мы должны являться перед нашими детьми; мы не должны отпускать их из этого общества в наше собственное общество прежде, чем они научатся презирать всю свойственную нам внутреннюю порчу, как она того заслуживает, и пока это самое презрение не станет для них надежной защитой от всякой заразы этой нашей порчей.

Вот все, что мы сочли нужным сообщить здесь о нравственном воспитании вообще.

То что дети должны жить вместе, в полном обособлении от взрослых, только со своими учителями и начальниками, – об этом мы уже неоднократно напоминали. Само собою разумеется без особого нашего замечания, что это воспитание должны получать одинаковым образом дети обоих полов. Отделение полов друг от друга в особые заведения для мальчиков и девочек было бы несообразно с нашей целью, и уничтожило бы многие

основные разделы воспитания совершенного человека. Предметы преподавания для обоих полов одни и те же; различие же в выполняемых работах нетрудно соблюсти и при совместности всего остального воспитания. Малое общество, в котором совершается их образование как людей, так же точно, как и большое общество, в которое они вступят некогда готовыми людьми, должно состоять из соединения двух полов; оба пола должны сперва научиться признавать и любить друг в друге общую им человечность, у них должны быть друзья и подруги, прежде чем они обратят свое внимание на различие полов, и станут мужьями и женами. И взаимное отношение полов в целом обществе – сильная духом защита, с одной стороны, любящее содействие, с другой – нужно представить в устройстве нашего воспитательного учреждения и образовать его в питомцах.

Если наше предложение должно когда-нибудь осуществиться на деле, то первое, что необходимо для этого – это начертать закон внутреннего устройства этих воспитательных учреждений. Если только проникнуть как следует мыслью в представленное нами выше основное понятие, то сделать это будет весьма легко, и останавливаться на этом предмете мы не станем.

Главное требование этого нового национального воспитания заключается в том. Чтобы в нем учеба соединялась с трудом, чтобы питомцам, по крайней мере, казалось, что они сами содержат свое заведение, и чтобы в каждом непрестанно поддерживалось сознание необходимости всеми своими силами содействовать достижению этой цели. Этого требует, – еще совершенно безотносительно к цели внешней осуществимости и необходимой при этом экономии, чего, без сомнения, всякий потребует от высказанного нами предложения, – уже и непосредственная задача самого воспитания: отчасти потому, что все, кто прошел только общее национальное воспитание, предназначены к вступлению в трудящиеся сословия, а в воспитание членов этих сословий, несомненно, предполагает и образование из них дельных работников; но особенно потому, что основательная уверенность в том, что мы всегда сможем пробиться на свете своими силами и не нуждаемся в благотворительности других, чтобы найти себе достойное пропитание, составляет непрременную основу личной самостоятельности человека и условие его нравственной самостоятельности в гораздо большей мере, чем, кажется, полагали до сих пор. Это образование представит собою другую, и донныне еще? как правило, отдаваемую на произвол слепой случайности, часть воспитания, которую можно было бы назвать экономическим воспитанием, и которую следует рассматривать вовсе не с той ничтожной и ограниченной точки зрения, над которой, под именем «экономии», злорадствуют ныне иные писатели, но с высшей, нравственной точки зрения. В наше время часто утверждают, как некий принцип, стоящий выше любых возражений, что, если вы хотите жить, вы именно должны льстить, пресмыкаться, во всем другим угождать, и что иначе вовсе не годится. Наше время не задумывается о том, что, если бы даже мы из милосердия не ответили ему на это героической, однако совершенно истинной сентенцией, а именно, что, если это действительно так, то оно должно именно не жить, но умереть, – у нас остается еще право заметить, что ему следовало бы научиться жить честно (mit Ehren). Наведите только пообстоятельнее справки о тех людях, которые выделяются в обществе своим бесчестным поведением, – всегда Вы найдете, что они не учились трудиться или презирают труд, и что они, сверх того, не умеют вести хозяйство. Поэтому питомца нашего воспитания мы обязательно должны приучить к трудолюбию, чтобы он был недоступен искушению

совершить несправедливость под влиянием забот о насущном хлебе; мы должны запечатлеть в его душе сознание того, как позорно желать быть обязанным своим пропитанием чему-то, кроме собственного труда.

Песталоцци хотел бы, чтобы питомцев во время учебы заставляли одновременно заниматься всякого рода ручным трудом⁴⁵. Хотя мы не намерены оспаривать самой возможности такого соединения при указанном им условии, чтобы ребенок уже в совершенстве владел навыками ручного труда, – нам кажется, однако, что это его предложение вытекает из скудости его первой цели. По-моему, учение нужно представлять ребенку столь священным и почтенным занятием, что занятие это требует всей полноты внимания и собранности, и его невозможно усвоить наряду с другим каким-нибудь делом. Если в то время года, когда питомцы и без того уже вынуждены оставаться в комнатах, нужно будет им заниматься в рабочие часы такими работами, как вязание, ткачество и т. п., то будет весьма целесообразно, чтобы дух их оставался по-прежнему деятельным, соединять с этими работами совместные упражнения в духовной деятельности под надзором воспитателя. Однако труд в этом случае – главное, и упражнения эти не следует рассматривать как обучение, а только как веселую игру.

Все работы этого низшего рода нужно вообще представлять детям лишь как нечто второстепенное, а вовсе не как главную их работу. Эта главная работа есть труды земледелия, садоводства, скотоводства и тому подобных ремесел, которые нужны в их маленьком государстве. Само собою разумеется, что участие в этом труде, которое вменяется каждому в обязанность, должно быть сообразно свойственной его возрасту физической силе, и что недостаток его сил следует возместить с помощью машин и орудий, которые для этого еще предстоит изобрести. Основным должно быть при этом то соображение, что дети должны, насколько это вообще возможно, понимать все причины и основы того, что они делают, чтобы они уже получили необходимые для выполняемых ими работ знания о зарождении растений, о свойствах и потребностях животного тела, о законах механики. Таким образом отчасти их воспитание само уже станет последовательным уроком того ремесла, которым им предстоит заниматься в будущем, и будет образовывать в непосредственном созерцании деятельного и рассудительного сельского хозяина, отчасти же их механический труд будет уже теперь облагорожен и одухотворен, будет в той же самой степени свидетельством свободного созерцания ими того, что они постигли в понятии, в какой он будет трудом для повседневного пропитания, и даже находясь в обществе животного или клочка своей земли, они все же останутся в границах духовного мира, и не опустятся до животного сами.

Основной закон этого малого экономического государства пусть будет таков, чтобы в нем не допускалось употребление никакого товара в пищу, одежду и т. п., и даже, насколько возможно, никакого орудия, которое не было бы создано и изготовлено в самом этом малом государстве. Если это домохозяйство нуждается в поддержке извне, то ему будут предоставлять предметы в натуральном виде, но только предметы такого же рода, какие есть и в нем самом, причем так, чтобы питомцы не могли узнать, что их собственная выработка увеличилась, или, где это будет целесообразно, чтобы они получили эти предметы как некий заем, и в определенное время возвратили их. Пусть каждый из них трудится изо всех своих сил для поддержания этой самостоятельности и самодостаточности

целого, не вступая однако в расчеты с целым и не притязая для себя лично на какую-нибудь собственность. Пусть каждый знает, что он всем обязан целому, и наслаждается или, если придется, терпит нужду, только вместе с целым. Тем самым мы представим его живому созерцанию честную самостоятельность государства и семьи, в которые однажды он должен будет вступить, и верное отношение, в каком находятся отдельные члены их к семье и государству, и отныне это созерцание неистребимо укоренится в душе нашего питомца.

Здесь, в этом руководстве нашего питомца к механическому труду, воспитание ученых, заложенное в общем национальном воспитании и опирающееся на него, впервые отделяется от этого воспитания, и здесь нам следует поговорить об этом воспитании ученых. Заложенное в общем национальном воспитании воспитание ученых, – сказал я. Будет ли и впредь у всякого, кто только считает свое состояние достаточным, чтобы учиться в университете, или кто по какой бы то ни было причине относит сам себя к одному из прежде бывших высших сословий, возможность беспрепятственно избрать для себя обыкновенный в прежнее время путь воспитания ученых, – это здесь для меня совершенно неважно. Как сможет устоять большинство этих ученых, если только дойдет когда-нибудь дело до действительного национального воспитания, не скажу, против образованного в его новой школе ученого, но даже против вышедшего из школы нового воспитания обычного человека, – покажет опыт. Я же хочу говорить теперь не об этом, а о воспитании ученых при новом способе воспитания.

В принципе этого нового воспитания будущий ученый должен будет так же точно пройти школу общего национального воспитания, и получить вполне и со всею ясностью первую часть этого воспитания, – развитие познавательной способности в ощущении, созерцании и во всем том, что присоединяется к этому последнему. Только мальчику, обнаруживающему особенные дарования к учебе и выдающуюся из посредственного склонность к миру понятий, новое национальное воспитание может позволить избрать для себя ученое сословие; но всякому мальчику, обнаруживающему в себе эти качества, оно должно будет позволить это без всякого исключения и совершенно безотносительно к мнимому различию происхождения. Ибо ученым становятся отнюдь не для собственного удобства; каждый талант к ученым занятиям есть ценное достояние всей нации, и никто не вправе лишать нацию этого достояния.

Назначение неученого человека – в том, чтобы поддерживать своими усилиями род человеческий на той точке образованности, которой он достиг; назначение ученого – согласно ясному понятию и с обдуманном искусством вести род человеческий дальше. Ученый должен всегда опережать свое время в своем понятии, должен постигать будущее и быть в состоянии насадить это будущее в настоящем для дальнейшего его развития. Для этого он должен уметь вполне ясно обозреть умом прежнее состояние мира, иметь свободный навык чистого мышления, независимого от явления, и, чтобы сообщить свое познание другим, должен владеть языком вплоть до самого живого и творческого корня языка. Для всего этого требуется самодеятельность духа без всякого постороннего руководства, требуются одинокие размышления, в которых и должен поэтому упражняться будущий ученый с той самой минуты, когда он избрал свою профессию; и он отнюдь не должен, подобно неученому, мыслить только под присмотром постоянно пребывающего при нем учителя; для этого требуется множество вспомогательных сведений, которые

решительно бесполезны неученому при исполнении его особенного предназначения. Труд ученого и повседневность его жизни будут составлять именно эти одинокие размышления; к этому труду его и следует теперь сразу же направить, освободив его при этом от других механических работ. А поэтому, в то время как воспитание будущего ученого как человека вообще продолжалось бы как прежде в порядке общего национального воспитания, и он присутствовал бы вместе со всеми прочими на уроках, которые имеют решающее значение для этого общего воспитания, только те учебные часы, которые бывают для всех других питомцев часами труда, были бы превращены для него в такие же часы занятий тем, что специально требуется для его будущей профессии; и в этом заключалось бы, следовательно, все различие между ними. Общие сведения о земледелии, других механических искусствах, и необходимые приемы в занятии ими, которые мы предполагаем и в человеке вообще, он, без сомнения, усвоил, еще пребывая в первом классе, а если это даже не так, эти сведения он без труда восполнит впоследствии. Что его, намного менее чем кого-либо другого, позволительно освобождать от введенных в школе физических упражнений, – это понятно само собою. А указание тех особенных учебных предметов, которые составили бы круг обучения ученого, а также метода преподавания, которому при этом нужно следовать, не входит в план этих речей.

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 13:23:57

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:24:23